

**По обе
стороны
поводка**



Бернгард Келлерман

СЭНГ

OCR&Spelcheck TaKir

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157157

По обе стороны поводка/Сост. О. Шимпф; Пер. с нем – К.В. Шульц;

Изд-во МГУ; Москва; 1992

ISBN 5-211-02362-5

Аннотация

Книга «По обе стороны поводка» – сборник увлекательных рассказов о собаках. Авторы – известные зарубежные писатели – показывают различные стороны характера этих животных, их бескорыстную любовь и привязанность к человеку. Большинство рассказов, неизвестных широкому читателю, основано на реальных фактах, и, прочитав их, вы узнаете много нового и интересного о своих четвероногих друзьях.

Для широкого круга читателей.

Бернгард Келлерман

Сэнг



В домике индуса близ тибетской границы я увидел впервые в жизни самых диких и впечатляющих собак. Это были тибетские доги, огромные псы, похожие на черных медведей: голова широкая, маленькие злые глаза близко посажены, острая морда... Не было ни малейшего желания слезть с лошади, пока они бегали на свободе и хозяин еще не утихомирил их. А когда они были привязаны, надо было наблюдать за длинной цепью и молить бога, чтобы она не порвалась. Это не собаки, а настоящие дьяволы, требующие к

себе уважения.

Такой дьявол встретился мне однажды совсем неожиданно на одной из базарных улочек Леха. Это была улица мясников с тремя-четырьмя лавками, стоящими друг за другом, с тушами коз и овец, облепленными мухами. Отходами этой улицы питалась стая бездомных базарных собак разных помесей – настоящих бесстыжих попрошаек, бесхарактерных, привыкших к постоянным пинкам. Именно здесь я впервые увидел своего дьявола, которого до сих пор вспоминаю с болью, как друга, брошенного мной в далекой стране, и которого я никогда больше не увижу. Он зарычал на меня дико и угрожающе, как хищник, заставив отступить и искать палку или камень. Его налитые кровью глаза искрились зеленой злобой, выражая дикую ненависть к человеку. Глаза, так же близко посаженные, как у тибетских догов, что делает их похожими на медведей, но эти глаза были не маленькие и темные, а большие и светлые, как у волков. В общем, он был похож на породистых тибетских догов, но не черный, а, скорее, бурый. Медведи, тигры, волки – все хищники этих гор, казалось, смешали свою кровь, создав эту собаку ростом с теленка и с вечно оскаленными зубами. На базаре его звали Сэнг, по-тибетски «Тигр». Это был настоящий дьявол, но неопишимо дикой красоты. Никогда раньше я не влюблялся в животное с первого взгляда так сильно и так болезненно.

Сэнг лежал, прижавшись к земле, как тигр перед прыжком. Лопатки выделялись под густой шерстью, а на загривке

шерсть стояла дыбом. Но он не прыгал. Он не мог. Это был несчастный калека, раздробленная кость его сломанной передней правой лапы, разможенной в борьбе с волками, торчала из-под кожи.

Когда-то он был караванной собакой. Еще недавно он провожал караваны из Яркенда через льды Каракорума, пока несчастье не унизило его до общения с этими недостойными псами базара. Теперь я понял его невыносимую злобу – этот протест против судьбы, столкнувшей его так низко.

Сэнг хорошо понимал по-туркестански и по-тибетски, но все же я попробовал с ним побеседовать по-немецки. Я объяснил ему, что понимаю его несчастье. Его отвага не вызывает никаких сомнений – ведь волки нападают, как известно, только стаей. Я выразил ему свое уважение и сожаление. И Сэнг понял. Он слушал внимательно, жадно, так же как слушали любопытные, которые столпились вокруг и удивлялись, как это европеец не считает ниже своего достоинства разговаривать с псиной, покалеченной волками. А может быть, я умел говорить по-арабски? Во всяком случае мы – Сэнг и я – поняли друг друга очень хорошо. Злобный огонек в его глазах погас, вздыбленная шерсть разгладилась. Он еще показывал зубы, но постепенно превратился из кусачего дьявола в обыкновенную собаку. Когда я хотел к нему подойти, люди испуганно потянули меня назад.

Мясные лавки в это время были закрыты, но рядом находилась булочная. Я купил несколько хлебцев для Сэнга

и предложил ему. Он подполз недоверчиво и неуверенно: вдруг я плохой шуткой решил сделать его общим посмешищем? Все же он съел хлебцы с благодарным взглядом, наблюдая за мной внимательно и немного озадаченно. Он хорошо понял, что мои действия были необычными и что в его жизни наступила какая-то новая эпоха. Отверженный и униженный, он вновь почувствовал уважение со стороны человека.

Почти ежедневно моя дорога пролегла через базар, и я часто видел там Сэнга, иногда даже дважды в день. Я угощал его хлебом или костями, взятыми с собой из бунгало. Иногда он спал в тени какого-нибудь дома, даже во сне сохраняя горестное выражение на морде и вздрагивая от боли в раненой лапе. Услышав мои шаги, он немедленно просыпался. Он знал мои шаги. Потом он стал отзываться на короткий свист, и всегда проходило всего лишь несколько секунд, когда он вдруг откуда-то выныривал. Он выражал свою благодарность и преданность, стоя передо мной, внимательно глядя и легко повиливая пушистым хвостом. Иногда он недалеко провожал меня, сначала неуверенно, нерешительно из опасения показаться назойливым. На базаре удивлялись нашей странной дружбе. Торговцы, сидящие в своих лавках, наблюдая за возрастающим доверием пса, подозревали во мне особенные чары. Таким образом, в глазах жителей Леха я стал кем-то вроде святого.

Однажды случилось действительно необычайное: Сэнг появился вдруг у ворот бунгало. Мой друг следовал за мной

незаметно, прихрамывая, по крутой тропинке. Между прочим, заживление лапы шло в последнее время очень успешно, и, хотя раздробленная кость превратилась в жуткий узел с кулак величиной, Сэнг уже иногда пытался наступать на больную ногу. Когда появилась его удалая широкая голова во дворе бунгало, среди моих слуг начался переполох.

«Сахиб, Сэнг пришел!» – Это звучало так, как будто король Ладок удостоил меня честью своего визита. Я, очень обрадованный, поздоровался с Сэнгом и пригласил его войти, но он не двинулся с места. Что-то в его памяти сопротивлялось тому, чтобы войти в закрытое помещение. Повар принес ему лакомства, и Сэнг наслаждался угощением и хорошим приемом. Его визит длился долго, ему неудобно было спешить. Здесь впервые я посмел дотронуться до Сэнга. Когда моя рука приблизилась к его голове, он беспокойно покосился, зарычал, наморщив нос, возбужденно дыша через открытую пасть. Он хотел меня предупредить, потому что сам я не знал, что будет дальше. Но когда я спокойно с ним заговорил, он начал вилять хвостом и... свершилось! Видно, все-таки человеческая рука его касалась! Давно, давно такого не было. Вначале он был неспокоен, встревожен. Он не мог этого постичь, а дальше уже с удовольствием принимал ласку, ворчал, выражая благодарность, но иногда и рычал: в конце концов все имеет свои рамки. Впрочем, он ведь был караванной собакой, а не каким-то пекинесом, вывешивающим язык от счастья, когда чешут за ухом.

После моего ухода Сэнг еще полчаса сидел около двери бунгало, и никто не смел войти или выйти со двора. Потом он тихо заковылял прочь. Может быть, когда-то, в его молодости, был в лагере европеец, путешественник или охотник, и его привязанность ко мне этим и объясняется?..

Сэнг навещал меня несколько раз в день. В дальнейшем он даже осмелился дойти до веранды бунгало. Мои слуги почтительно избегали встречи с ним.

Близился час прощания с гостеприимным Лехом. Мне нелегко было расстаться с моими друзьями, но тяжелее всего было расстаться с Сэнгом. Садясь на лошадь во дворе бунгало, я думал, что лучше с ним не прощаться и избежать тяжелой минуты расставания. Это было бы самым удобным. Когда он придет в бунгало и не найдет меня, то поймет, что караваны приходят и уходят. Я нарочно поехал большим базарным путем, а не через улицу мясников, где обычно обитал мой друг. Я осмотрелся. Раннее утро, почти никого нет на улице, и вдруг я увидел Сэнга. Он спал рядом со стаей бездомных собак, выпрямив больную ногу с толстым узлом. Увидев его еще раз, я обрадовался, но надеялся проехать незамеченным. Стучали копыта лошадей, орали погонщики. Сэнг был караванной собакой, и такой шум пробудил бы его даже от глубочайшего сна. Даже умирая, он наострил бы уши и еще раз открыл глаза. И, конечно, Сэнг проснулся. Украдкой, с нечистой совестью, я повернулся в седле и увидел, как он рывком вскинул голову. Очевидно, он увидел

мою лошадь, быстро поднялся, насколько позволяла больная нога, и начал меня высматривать. Я был уже довольно далеко от него, и, сделав вид, что не замечаю его, удалялся вероломно и предательски. Мне и сегодня еще стыдно, но это мне показалось лучшим решением в данной ситуации: зачем Сэнгу причинять ненужную боль? И, кроме того, у меня были и другие проблемы.

Я продолжал свой путь через ворота Леха, и моя лошадь осторожно ступала по каменистой тропинке, ведущей вниз, к безжизненной пустыне, разделяющей Непал и Индию. В пустыне собирается караван и начинает свой медленный путь, длящийся дни и недели. Добравшись до края пустыни, я обернулся в последний раз посмотреть на расположенный высоко в горах Лех. Как же я удивился, увидев вдруг появившегося наверху Сэнга! Он стоял с поднятыми ушами и смотрел вниз на меня.

Теперь было невозможно уйти, не простившись. Страстно хотелось мне еще раз посмотреть в его чистые дикие глаза, поговорить с ним. Я засвистел наш мотив и поднялся опять наверх. С трудом Сэнг приближался ко мне. Он, хромая как можно быстрее по скалам, спустился, посмотрел на меня с неммым вопросом в глазах, возбужденно и быстро виляя хвостом. Я заговорил с ним, а он начал громко лаять, и я хорошо понял, что он хотел мне сказать. Он обличал меня в предательстве и неверности. Сколько раз он видел меня едущим верхом через базар и знал, что я приду. Но сегодня,

увидев тяжело нагруженных лошадей, он понял, что они будут идти до самого вечера. На следующий день пойдут дальше. Где меня тогда искать? Нет и нет! Никогда я не вернусь бы, никогда! Горе морщило его лоб. Неужели у меня нет сочувствия? Вся моя дружба – ложь? Он хочет идти со мной куда угодно и охранять мою палатку. Тоска засветилась в его глазах, тоска по каравану, по шуму палаток, запаху лошадей, жизни лагеря. Идти с нами! Да, да! Как-нибудь, несмотря на хромоту, которая со временем пройдет.

«Будь умницей, Сэнг! Ну, послушай!» Все громче лаял Сэнг и бил хвостом. Нет, нет, он не хочет слушать. «Слушай, Сэнг, слушай меня. Что ты понимаешь в этом мире! Здесь, в горах, все, конечно, сойдет. А другие страны со своими законами, мореходное общество – что ты об этом знаешь? Так лучше для тебя и меня, я долго об этом думал, поверь мне, иначе я взял бы тебя с собой, на моей лошади. Сэнг, я клянусь!» Сэнг внимательно слушал, он не сводил своих глаз с моих губ. Он вилял хвостом, рычал, но стал спокойнее. Как-то искра надежды светилась в его глазах. О, он меня не понял! Злой рок не дал нам понять друг друга. Не было переводчика между нами, и поэтому он не мог понять меня. Но когда я еще раз к нему нагнулся и повернул коня, он все понял. Рухнула его надежда! Он стоял не шелохнувшись. Он окаменел, поняв неотвратимость... Он захромал сзади меня. Я погнал лошадь, чтобы догнать караван, который уже далеко-далеко полз по бесконечной каменной пустыне.

Сэнг быстро отстал. Он начал лаять, хрипло и ужасно. Я видел, как сотрясалось его мощное тело. Свое разочарование, горе и отчаяние он выкрикивал в пустыню, свое обвинение, укор!.. Моя дружба была ему утешением и радостью, а теперь он оставался одинокий, без всякой надежды. Нет, нет, вернись! Боль терзала его мужественное сердце. Я еще долго слышал его лай, хотя уже не было видно и скал.

Я не забыл ни одного из тех слов, которые он кричал мне вслед в безлюдной каменной пустыне.

Мой друг, учитель из Леха, сопровождал меня несколько суток. Через много недель я получил от него письмо. На обратном пути он встретил Сэнга недалеко от монастыря Спит-туг, что в трех часах езды от Леха. Сэнг всё еще хромал вслед за мной. Сколько же времени он, прихрамывая, шел по каменной тропинке, пока не понял всю безнадежность и не повернул назад?..